

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ.

(ПРЕДИСЛОВІЕ).

Религія въ своемъ существѣ всегда представляла и представляетъ отрицаніе міра видимаго во имя міра невидимаго, отрицаніе естественныхъ нормъ во имя сверхъестественнаго порядка, отрицаніе настоящаго во имя будущаго.

Вѣра въ существованіе невидимаго міра, это—теоретическая сторона религіи. Эта вѣра можетъ имѣть очень различныя формы. Некультурные народы древности и дикари настоящаго времени признавали и признаютъ бытіе невидимой силы въ видимыхъ предметахъ. Исторія религіи знаетъ почитаніе священныхъ камней, и теперь еще черный камень для магометанина служитъ какбы предметомъ благоговѣнія. Въ метеоритахъ падавшихъ съ неба, происхожденіе которыхъ казалось сверхъестественнымъ, естественно было предполагать нѣчто особенное, особыя свойства и особыя силы. Были предметомъ почитанія и деревья. По шелесту листьевъ дондонскаго дуба древній грекъ пытался узнавать свое будущее. Египеть почитала животныхъ. Тамъ были священные кошки, священные крокодилы. Въ Аписѣ видѣли земное воплощеніе бога Фта, и такъ какъ все умиравшее, по представленію египтянъ, соединялось съ Озирисомъ, то въ муміи Аписа видѣли оболочку, которая нѣкогда заключала въ себѣ то, что стало Озирисъ—аписомъ. Халдеи возносили молитвы небеснымъ свѣтиламъ (Шамасъ - солнце, Синъ-луна, Мардукъ-Юпитеръ, Истаръ-Венера и т. д.). Смысль всѣхъ этихъ сабеизма, зоолатріи, дендролатріи, литолатріи заключался въ признаніи бытія нѣкоторыхъ силъ, могущихъ проявить

свою созидательную или разрушительную дѣятельность въ мірѣ, и мѣстопробываніе которыхъ приурочивалось къ опредѣленному камню, къ той или иной планетѣ или даже къ какому-нибудь гаду. Эти таинственныя силы въ представленіи ихъ почитателей отличались и отъ обычно дѣйствующихъ физическихъ силъ въ природѣ и отъ естественныхъ духовныхъ силъ человѣка. Отъ физическихъ силъ онѣ отличались тѣмъ, что имъ непременно приписывались (когда ихъ указывали въ неодушевленныхъ предметахъ) иѣкоторая одушевленность, и отъ психическихъ силъ онѣ отличались тѣмъ, что непременно мыслились сверхъестественными. Люди некультурные, какъ и люди культурные, руководятся въ своей дѣятельности идеєю единообразнаго порядка въ природѣ, мыслию о соотвѣтствіи причинъ и слѣдствій. Въ почитаемыхъ ими предметахъ они видѣли исключеніе изъ этого порядка и отрицаніе извѣстныхъ имъ фактовъ соотвѣтствія и взаимной связи явленій. Въ бездушномъ дубѣ они видѣли вышечеловѣческую силу прозрѣнія будущаго, въ небольшомъ камнѣ—могущество, которое можетъ даровать побѣду цѣлому племени. Въ нижечеловѣческомъ они находили вышечеловѣческое и они почитали то, что находили. Они не умѣли формулировать своихъ воззрѣній и не могли бы объяснить, что привело ихъ къ нимъ, потому что они не слѣдили за тѣми логическими процессами и переживавшимися ими впечатлѣніями, которые приводили ихъ къ ихъ взглядамъ. Рядомъ съ признаніемъ вышечеловѣческой силы въ нижечеловѣческихъ существахъ, мы видимъ, всегда существовало признаніе бытія вышечеловѣческихъ существъ. Они мыслились различно. Имъ приписывали различныя степени матеріальности и духовности, различныя степени могущества, ихъ ставили въ различную связь съ видимымъ міромъ. Одни изъ этихъ существъ оказывались неизбежно связанными съ тѣми или иными мѣстами или стихіями. Дріады жили въ лѣсахъ, нимфы—въ водахъ, лары и пенаты были связаны съ домами или семействами. Другія существа управляли стихіями, третьимъ, наконецъ, были подчинены различныя области міра. За каждою стихіею, за каждымъ явленіемъ предполагали духа, относительно каждаго событія въ мірѣ видимомъ предполагали, что имъ заинтересованы духи, что эти духи спорять и ведутъ борьбу

между собою изъ за того, чтобы что-либо имѣло на землѣ тотъ или другой исходъ. Такъ, человѣческая мысль всегда признавала рядомъ съ міромъ видимымъ бытіе міра невидимаго. Этотъ невидимый міръ рисовался въ болѣе или менѣе заманчивыхъ краскахъ (а порою и въ отталкивающихъ, при описаніи ужасовъ ада и злыхъ божествъ). Для изображенія его обыкновенно пользовались сравненіями съ самыми зыбучими и неустойчивыми элементами видимаго міра — воздухомъ, облаками, тѣнями, луннымъ сіяніемъ и солнечнымъ свѣтомъ и однако за нимъ признавали несравненно большую реальность и устойчивость, чѣмъ за тѣмъ міромъ, въ которомъ жили сами. Невидимый идеальный міръ противопоставали видимому, реальному, какъ бытіе — быванію, какъ дѣйствительность — грезѣ, какъ вещь — подобію. Религіозная мысль древняго міра не умѣла пользоваться понятіями—вѣчность, неизмѣнность строя бытія, абсолютное, она замѣняла ихъ понятіями очень большой продолжительности, громаднаго могущества, широкаго произвола. Зевсъ имѣлъ начало, но это начало отходило въ далекое прошлое; онъ не былъ всемогущимъ, онъ встрѣчалъ и оппозицію своимъ начинаніямъ и ему порою до бессонницы приходилось раздумывать надъ тѣмъ, какъ осуществлять свои предпріятія. Но онъ былъ очень могуществененъ. Когда Аполлонъ предложилъ богамъ состязаніе въ томъ, кто стрѣльнетъ далѣе, Зевсъ принялъ вызовъ. Стрѣла пущенная Аполлономъ упала на краю свѣта. Тогда Зевсъ наполнилъ собой всю вселенную и спросилъ: куда же стрѣлять? „И поникъ головой златокудрый“ (Аполлонъ). Вдали будущаго что-то грозило богамъ свѣтлаго Олимпа, но это было что-то неясное и неопредѣленное и—главное—это что-то было далеко, далеко отъ свѣтлаго настоящаго.

Настоящее, дѣйствительно сущее принадлежитъ невидимому міру. Міру видимому принадлежитъ только кажущееся бытіе. „Въ немъ нѣтъ ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты“. Такимъ образомъ, религіею видимый міръ отрицается во имя міра невидимаго. Но такое отрицаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденіе допускается не одною религіею. На нихъ настаиваетъ и философія. Явленіямъ, имѣющимъ лишь призрачное бытіе, она противопоставляетъ сущности, имѣющія бытіе дѣйствительное, и въ познаніи послѣднихъ

она подлагаетъ свою идеальную задачу. Кроме того во многихъ типахъ философскихъ системъ о видимомъ мірѣ утверждается, что онъ случаенъ по своему происхожденію (контингентенъ) и конеченъ по своему существованію, но что есть иное премирное самобытное и вѣчное бытіе, которое есть и причина себя и міра. Въ подобнымъ утвержденияхъ философія сближается съ религіею, но здѣсь и кончается сходство между ними. Между тѣмъ какъ философія ограничивается признаніемъ бытія невидимаго міра, религія настаиваетъ на возможности или даже необходимости имѣть общеніе съ этимъ міромъ. Философія до признанія невидимаго міра доходитъ теоретическимъ путемъ, религія учитъ, что источникъ ея познанія есть опытъ. Религія говоритъ, что невидимыя высшія существа принимали видимыя формы и являлись людямъ, что они являли людямъ свое могущество, осыпали ихъ своими благодѣяніями и вредили имъ. Высшія невидимыя силы одно любили а другое нѣтъ, одного желали, осуществленію другаго противились, одинъ образъ поведенія людей одобряли, другой — осуждали. Такимъ образомъ, можно и привлекать къ себѣ ихъ благоволеніе, исполняя ихъ волю, и навлекать на себя ихъ гнѣвъ нарушеніемъ ихъ велѣній. Очевидно, задачею каждаго должно быть приобрѣтеніе благоволенія высшихъ существъ. Выраженіе этого благоволенія состоитъ въ томъ, что тотъ, кому оно оказывается, становится подобнымъ тѣмъ, кто его оказываетъ. Мало благополучія на землѣ и мало силъ и средствъ у человѣка. Высшія существа могутъ сдѣлать жизнь человѣка необыкновенно (сверхъестественно) счастливою, могутъ чудеснымъ образомъ охранять его отъ бѣдъ и чудеснымъ образомъ подавать ему блага, могутъ сообщить ему необыкновенныя силы, необыкновенное долготѣіе. Естественный строй жизни, въ которомъ такъ много горя и такъ мало радостей, высшія существа могутъ преобразовать въ строй сверхъестественный, гдѣ все будетъ радость и счастье. Желаніе осуществленія этого идеальнаго строя заставляетъ религіознаго человѣка смотрѣть съ отрицаніемъ и осужденіемъ на существующій естественный порядокъ. Самое избавленіе отъ тяжелыхъ условій этого порядка можетъ быть мыслимо въ двухъ формахъ: или то, что этотъ міръ „ради избранныхъ“ будетъ преобразовываться

(отчасти или въ цѣломъ) по образцу міра невидимаго, или что избраніе могутъ быть переселяемы изъ этого міра и становиться гражданами міра невидимаго. Афина устроила благополучіе Одиссея на землѣ, Самасъ - Напистимъ былъ живымъ переселенъ къ богамъ. Но признавая бытіе невидимаго міра и взаимообщеніе между нимъ и міромъ видимымъ, религін вообще учатъ, что обитатели міра видимаго со временемъ стануть обитателями міра невидимаго. Смерть разсматривается, какъ' дверь, черезъ которую человѣкъ переступаетъ изъ одного міра въ другой. Въ этомъ новомъ мірѣ каждаго ожидаютъ та или иная судьба сообразно съ его дѣлами въ мірѣ старомъ. При такомъ возрѣніи, понятно, интересы настоящаго отрицаются во имя будущаго.

Всѣ свои утвержденія и надежды религія основываетъ не на умозрѣніяхъ, не на логическихъ доводахъ, а на откровеніи. Описанія высшаго міра (невидимаго для обыкновенныхъ смертныхъ), блаженныхъ острововъ въ религіяхъ предлагаются или по свидѣтельству очевидцевъ, чудеснымъ образомъ попавшихъ въ міръ боговъ, или на основаніи видѣній и сообщеній боговъ. Способы взаимоотношенія между людьми и духами или богами опредѣляются также не соображеніями людей, а велѣніями высшихъ существъ. Если комета, наклонъ луннаго серпа къ горизонту указываютъ человѣку на то, что произойдетъ съ нимъ въ непосредственномъ будущемъ, то это устроено по волѣ боговъ, а не по желанію людей. Если богъ или духъ въ отвѣтъ на какія-либо заклинанія неизбѣжно приходятъ на зовъ, то это потому, что такой порядокъ установленъ свыше. Точно также не людьми измышлены правила, по которымъ можно вопрошать боговъ (въ гаданіяхъ). Все это обыкновеннымъ людямъ сообщили необыкновенные мудрецы, а послѣднихъ наставили боги. Правила, опредѣляющія отношенія человѣка къ высшимъ существамъ, къ себѣ равнымъ и низшимъ, законы поведенія и общежитія, все въ своей основѣ и въ своихъ принципахъ опредѣлено свыше.

Исторія знаетъ попытки философскимъ путемъ придти къ этой практической сторонѣ религін. Неоплатоническая философія представляетъ собою такую попытку, предпринятую умиравшимъ классическимъ міромъ. Плотинъ, Ямвлихъ и особенно Прокль не ограничивались ученіемъ о высшемъ

міръ, но и дали правила, какъ вступать въ тѣснѣйшее единеніе съ Божествомъ (въ экстазѣ). Нѣкоторые средневѣковые арабскіе философы (Альгацали) повторили эту попытку. Но эти доктрины были и слишкомъ отвлеченны и слишкомъ произвольны, ихъ относительный успѣхъ обусловливался тѣмъ, что онѣ вступили въ союзъ съ положительными религіями (государственной греческой и исламомъ), и поскольку онѣ эмансипировались отъ этого союза, онѣ становились исключительно системами метафизическихъ спекуляцій. Съ другой стороны, въ исторіи возникали религіозныя ученія, которыя пытались, если не совсѣмъ уничтожить, то радикально измѣнить практическую сторону религіи. Были попытки ограничить отношенія человѣка къ высшему міру исполненіемъ обязанностей по отношенію къ міру земному, опредѣленныхъ свыше. Такова доктрина Конфуція. Отъ боговъ должно держаться подальше; къ умершимъ предкамъ должно относиться такъ, какъ будто они существуютъ, не рѣшая однако вопроса — существуютъ ли они дѣйствительно? Не знающимъ ничего о жизни нельзя разгадать тайны смерти. За такими сентенціями о небѣ слѣдовалъ рядъ правилъ добраго поведенія на землѣ. Подобнымъ, но въ другомъ родѣ является ученіе Будды (Шакіямунни). Должно уничтожить въ своей душѣ всякое желаніе, даже желаніе быть, и тогда человѣка не можетъ одолѣть никакой богъ и никакой демонъ. На томъ пути, по которому человѣкъ придетъ къ этой цѣли, ему не нужны помощь и содѣйствіе никакихъ высшихъ силъ. Такъ, Конфуціи—радости земной жизни и Будда—покой небытія хотѣли найти, поступая по законамъ опредѣленнымъ свыше, но не прибѣгая къ помощи никакихъ высшихъ силъ. Это были попытки сохранить религію, перерѣзавъ ея жизненный нервъ. Онѣ не удались. Въ конфуціанствѣ и особенно въ буддизмѣ (которыя въ Китаѣ иногда являются въ смѣшанномъ видѣ) обращеніе къ помощи высшихъ силъ теперь практикуется широко.

Возникаетъ вопросъ—ислѣдователю исторіи религіи можно ли оставить въ сторонѣ обсужденіе того: общеніе видимаго міра съ міромъ невидимымъ, утверждаемое религіями, есть ли фактъ или только обманчивая греза? На вопросъ такъ поставленный многіе отвѣчаютъ утвердительною образомъ.

Задача научнаго изслѣдованія, говорятъ, состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ генезисъ вѣрованій и культовъ, предоставляя совѣсти каждаго рѣшать по своему — есть ли что-нибудь отвѣчающее этимъ вѣрованіямъ или нѣтъ? Съ этимъ взглядомъ нельзя согласиться. Идеальная задача научнаго изслѣдованія состоитъ въ выясненіи факторовъ, создающихъ явленіе, въ данномъ случаѣ—въ выясненіи факторовъ вѣрованій и культовъ. Магометъ имѣлъ видѣнія. Къ нему являлся архангелъ Гавріилъ и сообщалъ ему откровенія. Эти явленія будутъ имѣть въ нашихъ глазахъ совершенно различный характеръ, смотря по тому, признаемъ ли мы ихъ галлюцинаціями или нѣтъ. И тѣ изслѣдователи, которые въпросъ о реальной основѣ вѣры предоставили совѣсти каждаго, на самомъ дѣлѣ безповоротно въ большинствѣ случаевъ рѣшили, что эта реальная основа есть заблужденіе. Три фактора выдвигаются преимущественно, какъ обуславливающіе созданіе религій: стремленіе людей къ персонификаціи, чувство зависимости и стремленіе искать расположенія того, отъ чего зависишь. Стремленіе къ персонификаціи заставляеть за физическими явленіями видѣть духовныхъ дѣятелей. Каждое явленіе человѣкъ разсматриваетъ, какъ слѣдствіе другаго, и по прекращеніи одного явленія ждетъ другаго. Человѣкъ думаетъ о будущемъ, и будущее своею неизвѣстностью страшитъ его. Факторами, которые создадутъ это будущее, человѣкъ считалъ одушевленныхъ существъ подобныхъ ему по своимъ свойствамъ, но гораздо болѣе могущественныхъ. Къ нимъ человѣкъ и сталъ обращаться и свой страхъ и свое заискиваніе. Особенно чувство страха овладѣвало человѣкомъ въ случаѣ поразительныхъ и рѣдкихъ явленій и событій и особенно онъ усиливалъ свое заискиваніе, выражая его въ формѣ поклоненія, почитанія, жертвъ, когда его постигала сильная нужда. Получается, такимъ образомъ, что незнаніе причинъ, невѣжество рождаетъ страхъ, а страхъ рождаетъ боговъ. Насколько человѣкъ можетъ объяснить явленіе изъ причины, настолько оно теряетъ для него свою ужасающую силу. Званіе причины явленія даетъ возможность избѣгнуть его, предупредить, воспользоваться имъ, если оно благоприятно, или наконецъ, сознательно уступить его силѣ. Въ такихъ случаяхъ не предполагается дѣйствія сверхъестественныхъ фак-

торовъ, и чѣмъ болѣе расширяется кругъ человѣческихъ знаній, тѣмъ болѣе суживается та территория, въ области которой предполагается дѣйствіе Божества. Боги существуютъ лишь въ промежуткахъ и пробѣлахъ человѣческаго знанія. Стремленіе къ персонификаціи рисуется людямъ боговъ сообразно съ условіями времени, мѣста, воспитанія, среды. Представленія эскимоса о богахъ такъ же отличаются отъ представленій индуса, какъ природа полярнаго сѣвера отличается отъ тропической Индіи. Каждый народъ считаетъ свои вѣрованія истиной, а вѣрованія другихъ суевѣрїями. Но въ сущности всѣ религіи суть суевѣрїя. Всѣ религіи естественны. Такова преобладающая точка зрѣнія въ изслѣдованіи религіи. Но эта точка зрѣнія не можетъ быть ни оправдана, ни проведена послѣдовательно. Говорятъ о тенденціи къ персонификаціи, но на самомъ дѣлѣ не только люди, а, пожалуй, и всѣ одушевленные существа рѣзко различаютъ живое отъ неживаго. Бесполезность системы огородныхъ пугалъ доказываетъ послѣднее. Даже тогда, когда неодушевленная вещь производитъ поразительныя явленія, животныя не одушевляютъ ее. Птица подлетитъ къ ружью, но спѣшитъ улетѣть отъ человѣка съ ружьемъ. Если одна мышь попала въ ловушку, другую можно не скоро заманить туда. Не видно, чтобы эти другія стали считать ловушку одушевленнымъ существомъ: около ловушки онѣ ходятъ свободно. Въ ихъ поведеніи невидна мистическаго ужаса, оно совершенно похоже на то обыкновенное человѣческое благоразуміе, руководясь которымъ, никто не ставитъ головы подъ обухъ. И человѣкъ и животное могутъ смѣшать неживое съ живымъ, но все заставляетъ утверждать, что всѣ они считаютъ камни и деревья существами неодушевленными. У всѣхъ, далѣе, есть идея физическихъ причинъ. Свое неумѣнье объяснить явленіе и сверхъестественный характеръ явленій люди различаютъ. Откуда же идея сверхъестественнаго міра и твердая увѣренность въ его существованіи? Разъ существуетъ эта идея, сравнительно легко объяснять и различныя фѳормы религіи и различныя типы суевѣрїи, но вопросъ о происхожденіи религіозной идеи не можетъ быть оставленъ и лучше, конечно, сознаться въ неумѣннн его рѣшить, чѣмъ предлагать мнимыя и ошибочныя объясненія. Говорятъ о чувствѣ зависимости, какъ ре-

лигіозномъ факторѣ, но откуда это чувство зависимости отъ высшей силы? Незнаніе причинъ явленій и неумѣнье приспособиться къ средѣ создаютъ чувство безпомощности. Утопающій человѣкъ не олицетворяетъ воду, какъ злого духа, но чувствуетъ себя безпомощнымъ въ борьбѣ съ этой стихіей. Если древніе египтяне почитали божество Нила, то они его не отождествляли съ Ниломъ. Нилъ былъ орудіемъ, черезъ которое божество посылало имъ благодѣянія или карало ихъ. Здѣсь была идея зависимости отъ высшей силы, управлявшей Ниломъ. Физическій міръ самъ по себѣ человѣкъ никогда не почиталъ, міръ представлялся ему стихійнымъ началомъ, дѣйствующимъ слѣпо и бессознательно, себя человѣкъ противопоставалъ міру, какъ „мыслящій тростникъ“ Паскаля. Человѣкъ ничтоженъ предъ міромъ, но онъ понимаетъ свое ничтожество, а міръ не знаетъ о своей силѣ. Но рядомъ съ этимъ міромъ человѣкъ представляетъ себѣ другой міръ, который не только могуществененъ, но и мыслить лучше человѣка. Точка зрѣнія, согласно которой всѣ религіи естественны и представляютъ собою неправильное истолкованіе человѣкомъ своихъ стремленій и внѣшнихъ фактовъ, не объясняя основныхъ проблемъ религіи, не можетъ быть и проведена послѣдовательно. Религія освящаетъ цѣлый рядъ чувствъ—благодаренія передъ величіемъ высшихъ силъ, благодарности къ этимъ силамъ за ихъ благодѣянія, страха передъ возможностью своимъ поведеніемъ оскорбить ихъ и навлечь ихъ праведный гнѣвъ, затѣмъ религія утверждаетъ чувство собственного недостоинства—сознанія своего ничтожества и своей грѣховности, но съ другой стороны, связывая человѣка по происхожденію съ высшими силами, религія утверждаетъ его въ мысли, что онъ долженъ вести себя сообразно съ своимъ высокимъ происхожденіемъ. Признаніе всѣхъ религіи естественными всѣ эти религіозныя чувствованія должно разсматривать, какъ психологическія, и всѣ нормы, которыя диктуются религіями, какъ нѣчто совершенно случайное, не имѣющее Божественной саякціи. Все это должно быть признано не только не заслуживающимъ уваженія, но даже и ненормальнымъ. Между тѣмъ и люди, отрицающіе религію, не могутъ отказать въ уваженіи многимъ проявленіямъ религіознаго чувства. Честныя правила Конфуція, высокая мораль буддизма, за

бота о посмертномъ оправданіи египтянина, все это всѣмъ людямъ внушаетъ уваженіе и историки рационалисты въ большинствѣ случаевъ вовсе не безстрастно, а съ чувствомъ искренняго почтенія знакомятъ читателей съ этими проявленіями благороднаго подъема человѣческаго духа. Съ другой стороны, если всѣмъ этимъ движеніямъ человѣческаго сердца, этимъ смутнымъ порывамъ къ непостижному благу отказать въ правѣ на законное существованіе, то тогда равно должно будетъ отказать въ правѣ на существованіе всему тому, что считается добрымъ и хорошимъ на землѣ. Добро есть совокупность случайныхъ нормъ, которыхъ не было вчера и которыя завтра смѣнятся новыми: въ такомъ случаѣ рѣчь о служеніи добру должна звучать ироніей, а вѣра въ добро является суевѣріемъ. Истины не должно искать и бесполезно говорить объ уваженіи къ ней. Какъ чего-то объективно-высшаго, истины не существуетъ; какъ система законовъ вселенной, она не можетъ быть познана человѣчествомъ по недостатку времени, которымъ оно располагаетъ, и по недостатку духовныхъ силъ, которыя оно имѣетъ. Красота совершенно условна и не имѣетъ въ себѣ элементовъ объективности. Что-же остается? На какомъ базисѣ утвердится человѣчество, какими нормами оно будетъ регулировать свое поведеніе, какимъ идеаломъ станетъ служить оно, если отвергнетъ мысль о религіи? У него ничего не останется кромѣ безнадежной мудрости послѣдовательнаго матеріализма. „Станемъ ѣсть и пить; ибо завтра умремъ“ (1 Коринѣ. XV, 32; ср. Пс. XXII, 13). Но предаться всецѣло служенію этой заповѣди можетъ животное, а не человѣкъ. Вотъ почему мы и говоримъ, что точка зрѣнія, отрицающая сверхъестественное (религіозное), не можетъ быть проведена послѣдовательно.

Но говорить всѣ религіи нельзя признать сверхъестественными, почему же какой либо одной должно быть оказано предпочтеніе? Почему Амонъ—Ра и Балъ должны быть отвергнуты, а Иегова — признанъ? Многимъ это возраженіе представляется очень убѣдительнымъ и они, не желая обижать ни Амона, ни Брамю, ни Зевса, равно отвергають всѣхъ. Не трудно вскрыть несостоятельность этого разсужденія. Изъ того, что существуетъ много теорій, истолковывающихъ какое либо физическое явленіе, не слѣдуетъ, что онѣ всѣ

истинны, или что онѣ всѣ ложны. Последнее можетъ быть, но можетъ быть также и то, что одна изъ нихъ истинна. Въ приведенномъ примѣрѣ мы имѣемъ истолковываемый фактъ (физическое явленіе) и истолкованія. Историкъ явленія мы можемъ отрицать всѣ, но когда мы будемъ отрицать всѣ религіи, то мы, какъ было показано, наталкиваемся на цѣлый рядъ затрудненій, оказываемся принужденными противорѣчить самимъ себѣ на словахъ и на дѣлѣ и отрѣзываемъ себѣ путь къ пониманію вообще религіи. Какъ мы можемъ объяснить существованіе поддѣльныхъ перстней, если нѣтъ и не было истиннаго? Фальшивыя монеты представляютъ собою только поддѣлку подъ настоящую. Должна существовать настоящая. Если существуютъ ложныя религіи, то должна существовать и истинная. Происхожденіе первыхъ также легко понять съ этой точки зрѣнія, какъ происхожденіе фальшивыхъ монетъ. Легче сдѣлать фальшивую монету, чѣмъ заработать подлинную. Такъ и въ области религіи. Легче, чѣмъ исполнять заповѣди возвѣщенные свыше, замѣнить ихъ своими—самостоятельными; легче, чѣмъ ждать дѣйствительнаго знаменія съ неба, успокоить себя предположеніемъ, что пролетѣвшая птица дала уже благоприятное знаменіе. Различіе заключается только въ томъ, что фальшивыя монеты дѣлаются сознательно, а ложныя (естественныя) религіи создаются безсознательно.

Въ ниже предлагаемомъ изслѣдованіи будетъ рѣчь только о естественныхъ религіяхъ. Религія Ветхаго и Новаго завета, какъ откровенная и, слѣдовательно, сверхъестественная, выдѣляется нами. Это выдѣленіе многіе разсматриваютъ, какъ антинаучное и несостоятельное. Нельзя согласиться съ этими многими. Какъ бы не искажали, какія бы фантастическія черты не приписывали первоюудейству и первохристианству, они всегда будутъ оставаться безусловно противоположными въ своемъ существѣ другимъ религіямъ. Еврейскій монотеизмъ, какой бы поздней эрѣ не относили его начало, и искупленіе человечества Богочеловѣкомъ, этнографическое единство и нравственная солидарность человечества, это такія положенія, которыхъ не знаетъ ни одна религія, кромѣ Библейской, и поэтому естественно и законно религію въ своемъ существѣ отличающуюся отъ другихъ разсматривать *себе*. И намъ представляется несом-

нѣннымъ, что попытки смѣшать религію Ветхаго и Новаго заветъ съ другими религіями въ общемъ курсѣ доселѣ являются крайне неудачными. Не у всѣхъ историковъ хватаетъ рѣшительности довести дѣло до конца. Такъ Шантели де ла Соссеѣ во второмъ изданіи своей исторіи религіи ввель статью объ израильтянахъ, но почему то однако не сталъ трактовать о христіанствѣ. Болѣе смѣлые и менѣе свѣдущіе писатели, наприм., Мензисъ попытались израильскую и христіанскую религію представить, какъ заслуживающія столько же вниманія, сколько и другія религіи. Но для того, чтобы извести эти религіи до уровня финикійскихъ или сирійскихъ вѣрованій, во 1) нужны доказательства, во 2) нужно забыть то, что мы знаемъ объ израильтянахъ и христіанствѣ, такъ какъ мы знаемъ о нихъ несравненно больше, чѣмъ о всѣхъ прочихъ религіяхъ вмѣстѣ. Въ каждой странѣ дѣти изучаютъ исторію своей страны особо отъ общей исторіи, и всѣ понимаютъ, что это разумно и законно. Какимъ же образомъ христіанскій міръ можетъ признать неразумнымъ и незаконнымъ особое и преимущественное изученіе христіанства—того начала, на которомъ утверждалось нравственное воспитаніе предковъ теперешняго культурнаго міра. Исторія должна оказывать большіе вниманія болѣе важнымъ историческимъ факторамъ. Но конечно ни религія инковъ, ни религія ассиріянъ и египтянъ не могутъ являться въ глазахъ историковъ такимъ могущественнымъ рычагомъ, изученіе дѣйствія котораго могло бы освѣтить европейскую исторію. Могучее вліяніе Библии на европейскіе умы безспорно. О существованіи египетской „книги мертвыхъ“ европейцы узнали очень недавно, и это новое знаніе пока ничего не прибавило къ пониманію хода судебъ въ исторіи культурнаго міра. Мы полагаемъ, что выдѣленіе ветхозавѣтной и новозавѣтной религіи изъ общей исторіи религіи въ особый предметъ есть не только потребность христіанской религіозной вѣры, но есть и научное требованіе, согласно которому болѣе крупныя и важныя явленія должны быть предметомъ особеннаго вниманія.

Элементы откровенной религіи несомнѣнно проникали въ религіи естественныя. Нѣкоторые изслѣдователи даже склонны всѣ естественныя религіи разсматривать, какъ постепенныя уклоненія отъ истинной, при чемъ обыкновенно пытаются

въ древнѣйшихъ религіозныхъ формахъ находить слѣды первоначальнаго монотеизма (Ленорманъ, Піэрэ). Поскольку намъ представляются зависимыми естественныя религіи отъ сверхъестественной, мы будемъ касаться послѣдней. Но признавая, что откровеніе было дано для всего человѣчества ¹⁾ мы лично находимъ, что вліяніе его на религіозныя вѣрованія различныхъ культурныхъ народовъ является очень незначительнымъ, по крайней мѣрѣ съ научной точки зрѣнія. Исключеніе представляетъ исламъ, много замѣтовавшій изъ Библии, и юдаизмъ, на глазахъ исторіи превратившійся изъ сверхъестественной религіи въ естественную.

Историки религіи обыкновенно пытаются классифицировать религіи. Такъ дѣло идетъ со времени Гегеля. Въ нѣкоторыхъ курсахъ религіи и излагаются сообразно съ принятыми авторомъ классификаціями ²⁾. Но ни одна изъ доселѣ предложенныхъ классификацій не можетъ быть признана удачною, и всѣ онѣ упускаютъ изъ вида многое и существенное. Всѣ классификаціи исходятъ изъ того начала, что каждая религія есть въ сущности нѣчто неподвижное и неизмѣнное, что присущія ей въ извѣстнѣй историческій моментъ характерныя черты, отличающія ее отъ другихъ религіи, представляютъ ея неотъемлемую принадлежность. Этотъ взглядъ совершенно ошибоченъ. Каждая историческая религія проходила много фазъ въ своемъ развитіи и у различныхъ общинъ получала совершенно различную окраску. То, что теперь называется ересями, расколами, сектами существовало всегда въ родѣ человѣческомъ. Такія выраженія, какъ „египетская религія“, „греческая религія“ имѣютъ въ сущности собирательный характеръ, ими обозначаются вѣрованія группы племенъ и вѣрованія ряда эпохъ. Эти вѣрованія носятъ общее имя, потому что тѣ, кому они принадлежали, объединяются въ географическомъ и этнографическомъ единствѣ, но здѣсь далеко нельзя го-

¹⁾ См. наше изслѣдованіе, „Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе въ истинной церкви. Харьковъ 1900 г.

²⁾ Такъ, наприм., поступаетъ Pfeleiderer—Religionsphilosophie. На рускомъ языкѣ объ опытахъ классификацій можно читать у архимандрита Хрисанова—Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству. Т. I. 1873 г. Шаптели de la Coessey—Иллюстрированная исторія религіи Т. I. 1899 г.

ворить о единствѣ догматовъ, культа и правилъ морали. Грекъ изъ школы Ямвлиха и Прокла въ своихъ вѣрованіяхъ имѣлъ гораздо больше общаго съ браминномъ школой веданта, чѣмъ съ грекомъ, раздѣлявшимъ вѣрованія Гомера или Гезіода. Буддизмъ въ той общей схемѣ, въ которой онъ извѣстенъ всему образованному міру, является какъ-бы религіознымъ нигилизмомъ. Онъ не признаетъ никакого богопочтенія и даетъ только рядъ правилъ, осуществленіе которыхъ уничтожаетъ желаніе жизни и освобождаетъ отъ бытія. Но въ тѣхъ исторически сложившихся формахъ буддизма, которыя существуютъ въ Тибетѣ, Японіи, Китаѣ, широко развито почитаніе боговъ и святыхъ, вѣра въ чудеса, надежда на будущее, блаженство. Общимъ между этими формами буддизма и буддизмомъ Шакиамуни или современнымъ цейлонскимъ оказывается только имя. Какъ-же можно въ какой бы то ни было классификаціи противопоставить буддизмъ — названіе цѣлаго ряда религій — исламу — тоже собирательному названію цѣлой системы сектъ? Въ исламѣ существовали секты весьма приближавшіяся къ браминистическимъ и буддійскимъ. Классификація религій непременно предполагаетъ собою односторонность въ религіяхъ. Одинъ народъ сталъ почитать одно, другой-другое; одинъ усмотрѣлъ спасеніе въ томъ то, другой—въ другомъ. Но такая односторонность на самомъ дѣлѣ возможна только въ отдѣльномъ человѣкѣ, а не въ цѣломъ народѣ. Если для удовлетворенія религіозныхъ потребностей кому-либо достаточно почитать солнце, то его брать легко можетъ придти къ мысли, что должно почитать еще и луну, а сынъ усмотритъ нѣчто Божественное и во всемъ звѣздномъ небѣ. При изученіи религій въ нихъ поражаетъ не различіе, а сходство. Самыя странныя формы вѣрованій и культа оказываются повторяющимися въ далеко лежащихъ одна отъ другой странахъ. Общины, совершенно подобныя буддійскимъ бикшу (въ родѣ нашихъ монаховъ), оказываются, существовали въ Перу до Колумба, и нѣтъ никакихъ основаній утверждать существованіе исторической связи между тѣми и другими. Характернымъ признакомъ египетской религій считаютъ почитаніе животныхъ, но, вѣдь, и Индія знаетъ почитаніе коровъ и обезьянъ. У современныхъ буддистовъ существуютъ молитвенныя мельницы. Вѣтеръ накатываетъ на

колесо молитву и это въ глазах буддиста такъ-же спасительно, какъ и произнесеніе молитвы. Теперь оказалось, что совершенно подобныя же молитвенныя мельницы существовали въ Египтѣ. Нѣтъ нужды искать здѣсь исторической связи. Эти тождественныя явленія—результатъ единства духовной природы индуса и египтянина. Божество требуетъ молитвы. Молиться нужно въ опредѣленныхъ формахъ и какъ можно чаще. Важна механическая сторона дѣла. Самому молиться постоянно невозможно. Нужно придумать что-нибудь, чтобы замѣняло мою молитву. Ее можетъ замѣнить или молитва другаго лица, или дѣйствіе механическаго прибора. Последнее наиболѣе удобно и просто, отсюда—молитвенныя мельницы. Можно показать, что каждое изъ приведенныхъ нами положеній формулировалось и утверждалось у различныхъ народовъ и въ различныхъ религіяхъ. Человѣкъ ограниченъ, и вслѣдствіе этого оказывается ограниченной и его продуктивность въ созданіи религіозныхъ идей и культовъ. Изученіе религій въ ихъ историческихъ судьбахъ показываетъ, что они не только сходны между собою вообще по содержанию, но что въ самомъ процессѣ ихъ историческаго развитія существуетъ поразительный параллелизмъ. Возникаетъ новая религія, сначала въ новой общинѣ замѣчается подъемъ духа, затѣмъ этотъ подъемъ исчезаетъ, и является формализмъ, духъ смѣняется буквою. Создается и разрастается преданіе, которое потомъ со стороны нѣкоторой части послѣдователей вызываетъ противъ себя протестъ. Начинается борьба консервативнаго и либеральнаго направленія, религія дробится на секты, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ таковыхъ исчезаетъ самое существо религій. Понятны факторы сообщающіе такой ходъ процессу. Какъ требованія истинной религій людямъ нравственно слабымъ и страдающимъ умственнымъ сомнѣніемъ представляются ярмомъ неудобноносимымъ и они замѣняютъ ихъ самозмышленными представленіями и требованіями; такъ и ярмо религій ложныхъ однимъ представляется удобнымъ, а другимъ нѣтъ, и вслѣдствіе этого происходитъ его постоянная переработка. Фантазія, мысль, совѣсть, все заставляеть человѣка постоянно перестраивать свое религіозное міросозерцаніе. Сравнительное изученіе этого процесса перестроиванія представляетъ много поучительнаго. Мы ви-

димъ здѣсь, какъ умственное безсиліе и нравственная немощь, не принимая Божественнаго откровенія, истощаются и погибають въ безсильныхъ попыткахъ удовлетворить требованіямъ своей духовной природы при помощи самостоятельнаго творчества.

Но изученіе этого процесса должно идти вслѣдъ за обзорѣніемъ исторіи религій, а не предшествовать ему. Сначала нужно изучить отдѣльныя религій, а потомъ уже производить между ними сравненіе. Мы изложимъ религіозныя ученія въ ихъ хронологической преемственности и затѣмъ въ заключеніе попытаемся дать феноменологію религій. Такой планъ повидимому обязывалъ бы насъ начать исторію съ изслѣдованія вѣрованій доисторическихъ людей, но мы не станемъ говорить въ предлагаемомъ изслѣдованіи ни объ этихъ ископаемыхъ людяхъ, ни объ ихъ ископаемыхъ религіяхъ. По поводу этихъ палеонтологическихъ людей можно строить только догадки, а мы хотѣли бы въ предлагаемомъ трактатѣ устанавливать выводы, стоя болѣе или менѣе на фактической почвѣ. Прежде всего относительно тѣхъ общинъ, ископаемые слѣды которыхъ найдены, въ большинствѣ случаевъ даже неизвѣстно, когда они жили (наприм., робенгаузцы)—до возникновенія халдейскихъ государствъ и Египта, или можетъ быть эти дикари влачили свое жалкое существованіе, когда въ Египтѣ уже строились пирамиды и въ Вавилонѣ дворцы. Затѣмъ, въ сущности все то, что можно сказать объ ихъ религіозности, сводится къ слѣдующему. Въ ихъ жилищахъ находятъ предметы, которые не имѣютъ ни утилитарнаго, ни эстетическаго характера, таковы—просверленные зубы, нѣкоторыя раковины (наприм., белемнитовъ). Аналогія заставляетъ предполагать, что эти предметы имѣли мистическое значеніе, они служили талисманами, можетъ быть по нимъ производились гаданія. Затѣмъ ископаемые люди заботились о погребеніи своихъ покойниковъ и клали вмѣстѣ съ ними въ могилу тѣ предметы, которые нужны человѣку въ житейскомъ обиходѣ. Мы знаемъ, что теперь такой способъ погребенія имѣетъ въ своей основѣ вѣру въ загробную жизнь подобную земной. Такую вѣру мы должны предполагать и у тѣхъ палеонтологическихъ людей, погребальницы которыхъ открываются въ настоящіе дни. Но это въ сущности и все, что можно ска-

зать о религиозных вѣрованіяхъ людей, которыхъ не знала исторія и которыхъ открыла палеонтологическая антропология ¹⁾. Правда здѣсь развертывается широкое поле для предположеній, при чемъ руководительнымъ началомъ являются аналогіи между бытомъ ископаемыхъ людей и современныхъ дикарей. Многіе курсы по исторіи религіи и открываются разсужденіями о вѣрованіяхъ дикарей и затѣмъ уже авторы переходятъ къ Ассиріи, Вавилону, Египту. Этотъ способъ изложенія имѣетъ своимъ источникомъ убѣжденіе, что современный дикарь, это-первобытный человѣкъ остановившійся въ своемъ развитіи. Но исторія должна писаться не на основаніи убѣжденій, а на основаніи положительныхъ данныхъ. Дикари и ихъ вѣрованія должны быть разсматриваемы въ тѣхъ хронологическихъ рамкахъ, въ которыхъ они найдены. Можетъ быть современные дикари—неудачные потомки культурныхъ народовъ, оставшіе свою родину и потерявшие культуру на новыхъ мѣстахъ поселенія. Можетъ быть такими неудачными эмигрантами были и ископаемые люди Европы и Америки. Можетъ быть современные дикари—деградировавшій первобытный типъ. Во всякомъ случаѣ ни одинъ натуралистъ не станетъ отождествлять современные папоротники съ ископаемыми папоротниками силурійской эпохи. Современные папоротникъ или хвощъ, хотя они и представляютъ низшіе типы растеній, могутъ быть истолкованы лишь изъ современныхъ геологическихъ условій, точно также готтентотъ или сингалезъ должны быть объясняемы изъ условій настоящаго времени. Вотъ почему мы будемъ говорить о вѣрованіяхъ дикарей тамъ, гдѣ ихъ дѣйствительно встрѣчаетъ исторія, а не станемъ на основа-

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о доисторическихъ вѣрованіяхъ можно найти въ нашемъ изслѣдованіи „О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго“. Москва. 1894. Доводы, утверждающіе религиозность доисторическаго человѣка, собраны Катрфажемъ въ одномъ изъ его предсмертныхъ произведеній—*Histoire générale des races humaines*. Paris 1887, послѣдній отдѣлъ послѣдней главы. Новѣйшія сочиненія по этому предмету: А. Н. Кеане—*Man past and present*. XII + 584, 1899 и R. Munro, *Pre-historie Scotland and its place in European civilisation XIX—502*, 1899. Въ послѣднемъ произведеніи утверждается фактъ религиозности доисторическихъ обитателей Шотландіи (ихъ вѣра въ будущую жизнь).

ни предвзятой теоріи видѣть въ ихъ вѣрованіяхъ первичныя религіозныя формы.

Древнѣйшія культуры и вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшія естественныя религіи возникли и развились въ бассейнахъ великихъ рѣкъ Тигра, Евфрата и Нила и въ смежныхъ странахъ. Это религіи ассиро-вавилонянъ, египтянъ, хеттеевъ, финиціанъ, Сиріи и вообще народовъ передней Азіи. Возникновеніе ихъ неизвѣстно современной наукѣ, исторія встрѣчаетъ ихъ уже сложившимися и сформировавшимися. Мы знаемъ конецъ исторіи этихъ народовъ, но не знаемъ его начала. Семитохамитическія культуры оканчиваютъ свое существованіе, когда на историческую сцену выступаютъ арійскія расы. Тогда наступаетъ новый періодъ въ исторіи человѣчества. Являются религіи Зороастра, Конфуція, браманизмъ, буддизмъ, возникаютъ греческая, римская, религіи другихъ арійскихъ народовъ—кельтовъ, германцевъ, славянъ. Возникаютъ и многія гибнутъ. Это происходитъ въ періодъ между VII в. до Р. Х. и VI по Р. Х. (уничтоженіе аѳинской школы Юстиніаномъ). Распространяющееся христіанство уничтожаетъ постепенно естественныя религіи тамъ, гдѣ въ народахъ обнаруживается тяготѣніе къ сверхъестественному откровенію. А тамъ, гдѣ такое тяготѣніе было слабо, окончательно сформировываются и кристаллизуются языческія системы, чтобы затѣмъ уже безъ значительныхъ измѣненій существовать столѣтія (въ Китаѣ, Индіи). Въ VII в. возникаетъ исламъ-синкретистическая и оппортунистическая религія. Исламъ, это — компромиссъ между сверхъестественной и естественными религіями. Къ нему и примыкаютъ народы, для которыхъ были непонятны святость и величіе христіанства и была ясна ложь язычества. Въ это время сформировывается юдаизмъ постепенно замѣнявшій въ своихъ вѣрованіяхъ ветхозавѣтное откровеніе самоизмышленной традиціей (Рим. X, 3). Время отъ VII в. по настоящіе дни мы разсматриваемъ, какъ третій періодъ религіозной исторіи человѣчества. Всѣ народы въ этотъ періодъ постепенно становятся предметомъ этнографическаго и историческаго изученія. Начинаютъ изучаться вѣрованія дикарей. Въ концѣ XV в. открывается западный міръ, который, оказывается, также, какъ и восточный, не могъ жить безъ религіи и почитать Божество способами аналогичными тѣмъ.

которые употреблялись для выражения Богопочитания на старомъ материкѣ. Нельзя сказать, чтобы вѣрованія и культъ низшихъ племенъ были выяснены съ достаточной обстоятельностью и подробностью, точно также и по отношенію къ религіямъ прежнихъ культурныхъ народовъ не выяснено много важнаго и существеннаго, но во всякомъ случаѣ имѣющійся матеріаль по исторіи религіи теперь уже удобно можно представлять въ систематическомъ изложеніи.

Курсы по исторіи религіи могутъ преслѣдовать различныя цѣли. Они могутъ имѣть цѣль историческую. Религія есть историческій фактъ и историческій факторъ, и какъ результатъ историческихъ условій и какъ причина историческихъ явленій, она должна быть изучаема историками. Борьба жрецовъ съ фараонами въ Египтѣ, брамановъ съ кшатріями въ Индіи имѣли религіозную основу и важныя историческія послѣдствія. Сообразно съ тѣмъ, какую религію принимаетъ та или другая страна, ея исторія принимаетъ тотъ или другой характеръ. Затѣмъ, курсы по исторіи религіи могутъ имѣть цѣль психологическую. Религія есть психологическая проблема: содержаніе вѣрованій, формы религіозности, отбѣлки этихъ формъ представляютъ великій интересъ и для психологій народовъ и для психологій человѣчества. Предлагаемый трактатъ безусловно не имѣетъ въ виду первой цѣли (исторической) и лишь отчасти вторую (психологическую). Изслѣдованіе отбѣнковъ вѣрованій, психологической основы отдѣльныхъ религіозныхъ спекуляцій и дѣйствій не входитъ въ прямую задачу трактата. Мы имѣемъ въ виду воспользоваться исторіею религіи, какъ апологетическимъ доводомъ. Мы хотимъ раскрыть слѣдующія положенія: 1) что невозможно для человѣчества жить безъ религіи и 2) что невозможно для человѣка самому создать религію, которая удовлетворяла бы человѣчество. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что человѣчество имѣетъ нужду въ религіи откровенной, и этому выводу, вѣримъ и утверждаемъ мы, соответствуетъ фактъ дѣйствительнаго существованія на землѣ таковой религіи. Для установленія таковыхъ положеній намъ, конечно, нужны будутъ и историческіе факты и психологическія соображенія. Но нами двигаетъ интересъ не историческій и не психологическій, а религіозный. Дальнѣйшій трудъ раздѣляется на четыре части:

1) религіи древнѣйшихъ культурныхъ народовъ; 2) религіи эпохи VII до Р. X.—VI по Р. X.; 3) религіи съ VII по Р. X. до настоящаго времени; 4) феноменологія религіи. Въ трехъ первыхъ частяхъ будутъ главнымъ образомъ историческіе факты, въ послѣдней—преимущественно психологическія соображенія. Въ безсильныхъ попыткахъ наполнить небо образами созданными собственнымъ воображеніемъ и въ невозможности обойтись безъ такихъ попытокъ мы хотѣли бы найти доказательство того, что человѣчество должно искать—не имѣется ли, не дано ли людямъ уже благовѣстія съ неба, усвоеніе и жизненное осуществленіе котораго есть единственное условіе счастья? Мы хотѣли бы показать, что только въ положительномъ результатѣ такого исканія можетъ найти оправданіе и смыслъ существованіе человѣчества, и только на немъ можетъ утверждаться вѣра въ свѣтлое будущее. Таковъ нашъ планъ и такова наша задача.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Глаголевъ.
